

DOI: 10.21779/2077-8155-2020-11-4-81-94

УДК 297.1	Содержание статьи	Информация о статье
М.Я. Яхьяев ¹	Введение	Поступила в редакцию: 07.10.2020.
А.М. Яхьяев ²	Джихад в популярных источниках	Передана на рецензию: 13.10.2020.
	Джихад в конфессиональном исламоведении	Получена рецензия: 20.10.2020.
	О сущности феномена джихад	Принята в номер: 25.11.2020.
	Заключение	

Феномен джихада в исламе

Дагестанский государственный университет; mukhtar59@mail.ru

На основе критического анализа определений джихада, имеющих в научно-популярной, словарно-справочной, комментаторской, просветительской литературе, в статье устанавливается методологическая ущербность абстрактного, одностороннего представления джихада исключительно как призыва вести «священную войну». Такое однобокое определение джихада, навязанное мировой общественности западной исламистикой, критически настроенной ко всему мусульманскому, используется вождями-вдохновителями международного терроризма как исламское обоснование необходимости ведения вооруженной войны против иноверцев и вероотступников. Осмысление коранических положений о джихаде, исторического обогащения содержания джихада, многообразных форм и разновидностей его проявления позволяет авторам наметить методологические выверенные принципы исследования и предложить понятийное определение джихада, выражающее его глубинную сущность. Джихад в статье определяется как исламский феномен, заключающийся в сосредоточении сознания, воли, желаний, усилий каждого мусульманина и всей исламской уммы в целом на укреплении веры в Единого Аллаха, на защите и распространении этой веры, а также подчинении личной и общественной жизни требованиям ислама. Эта глубинная суть джихада проявляется в самых разнонаправленных усилиях, прилагаемых верующими на пути ислама, в усердии, способствующем качественному улучшению мусульманской уммы, ее количественному росту.

В статье также устанавливается неправомерность утверждений, что религиозный феномен, обозначаемый арабским термином «джихад», является исключительно исламским. Выдвигается тезис, что, хотя термин «джихад» только в исламе используется для выражения концентрации всех усилий мусульман на пути утверждения веры, подобное же явление существует и в любых других религиях. Беззаветное служение мусульман исламу не должно становиться основанием его характеристики как религии, связанной с войнами, сражениями, насилием, самоубийствами и прочим негативом, так как ни одна религиозно-культовая система не может утверждаться, укрепляться и распространяться иначе, как на основе усердного служения ее adeptов.

Ключевые слова: *ислам, умма, джихад, газават, священная война, сражение, усердие.*

DOI: 10.21779/2077-8155-2020-11-4-81-94

UDC 297.1	Content of the article	Information about the article
М.Я. Яхьяев ³	Introduction.	Received: 07.10.2020.
А.М. Яхьяев ⁴	Jihad in popular sources.	Submitted for review: 13.10.2020.
	Jihad in confessional Islamic studies.	Review received: 20.10.2020.
	About the essence of the phenomenon of Jihad.	Accepted for publication: 25.11.2020.

¹ *Мухтар Яхьяевич Яхьяев* – профессор, заведующий кафедрой философии и социально-политических наук, ДГУ, доктор философских наук; orcid.org/0000-0003-2243-7222.

² *Арсен Мухтарович Яхьяев* – магистрант 2 г/о ДГУ.

³ *Yakhyaev Mukhtar Yakhyaevich* – Dr. of Sc. (Philosophy), professor, head of the Philosophy and Socio-Political Sciences Department, Dagestan State University; orcid.org/0000-0003-2243-7222.

⁴ *Arsen Mukhtarovich Yakhyaev* – undergraduate student, DSU.

Conclusion.

The phenomenon of Jihad in Islam

Dagestan State University; muchtar59@mail.ru

Based on a critical analysis of the definitions of Jihad in popular science, dictionary reference, commentary, and educational literature, the article establishes the methodological flaw of the abstract, one-sided representation of Jihad exclusively as a call to Muslims to wage a "Holy war". It concludes that such a one-sided definition of Jihad, imposed on the world community by Western Islamism, which is critical of everything Muslim, is used by the inspirers of international terrorism as a religious justification for the need to wage an armed war against non-believers and apostates. Understanding the Quranic provisions about Jihad, the historical enrichment of the content of Jihad, the various forms and varieties of its manifestation allows the authors to outline methodologically verified research principles and offer a conceptual definition of Jihad that expresses its deep essence. The article defines Jihad as an Islamic phenomenon that consists in the concentration of consciousness, will, desires, and efforts of every Muslim and the entire Islamic Ummah in General to strengthen the faith in the One Allah, to protect and spread this faith, and to subordinate personal and public life to the requirements of Islam. This deep essence of Jihad is manifested in the most diverse efforts made by believers on the path of Islam, in the zeal that contributes to the qualitative improvement of the Muslim Ummah, its quantitative growth.

The author of the article considers it inappropriate to claim that the religious phenomenon named by the Arabic term "Jihad" is exclusively an Islamic phenomenon. He puts forward the thesis that, although the term "Jihad" is used only in Islam to express the concentration of all efforts of Muslims on the path of establishing faith in the One Allah, a similar phenomenon occurs in other religions. The selfless service of Muslims to Islam should not become the basis for its characterization as a bloodthirsty religion associated with wars, battles, violence, suicides, and other negative aspects, since no religious and cult system can be established, strengthened, and spread except on the basis of the diligent service of its adherents.

Keywords: Islam, the Umma, Jihad, sacred war, battle, diligence.

Введение

Джихад стал характерной приметой нашего времени. Стоит произнести это слово, как ислам автоматически компрометируется и делегитимируется в глазах современного человека, более или менее комфортно обустроившегося в пространстве современной массовой культуры. Как тут не согласиться со словами известного мусульманского просветителя, основателя партии «Джамаат аль-Исламия» Абу Аля Аль-Маудуди, который пишет, что «слово “джихад” обычно переводимое на английский язык как “священная война”, стало толковаться в качестве синонима некой “мании религии” и вызывать, таким образом, в воображении образ религиозного фанатика, с бородой и горящими глазами, обнаженными мечами, жаждущими поразить неверных...» [31, с. 1]. По мнению самого Маудуди, причины такого искажения понимания джихада кроются в представлении ислама как обычной религии и восприятии всех мусульман как представителей одной нации [31, с. 3].

Что же это за «ужасный» феномен «джихад», моментально демонизирующий одну из самых распространенных религий мира и всех ее приверженцев?

Джихад в популярных источниках

Удивительно, но попытки понять сущность этого явления на основе ознакомления с его определениями, встречающимися в распространенной сегодня популярной научной литературе, справочных изданиях, комментариях к авторитарным источникам, действительно способствуют формированию именно такого восприятия джихада.

Однако сомнения в предметной объективности таких представлений зарождаются уже тем, что почти во всех этих источниках тиражируется крайне критическое, политизированное, противоречивое, одностороннее представление джихада как «священной войны», «сражения», «вооруженной борьбы», которую должны вести «истинные» мусульмане против всего остального мира. Обратимся к самим источникам такой информации.

Начнем с пользующегося широкой популярностью у читателей «Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона», где можно прочитать: «Джихад (араб.) – название религиозной войны у мусульман. Первоначально понятие *джихад* означало только воззвание к неправовым о принятии ислама. Джихад недозволен против тех, с кем магометанский государь прежде заключил мирный договор. В джихаде обязан участвовать всякий, способный носить оружие, мусульманин. Павший в бою почитается мучеником, которого ожидают в раю награды, подробно описываемые в Коране и народных легендах» [30, с. 544]. Для этого словаря примечательно и то, что сразу же после такого определения дается ссылка на источник: Baillie. «Of Jihad in Mohamedan law» (1871).

И это ставшее шаблонным понимание джихада, заимствованное у западной исламистики, изначально критически настроенной ко всему исламскому, с завидным упорством тиражируется во всех русскоязычных источниках информации на протяжении полуторавекового периода. В советский период отечественной истории понимание джихада оказалось еще более идеологизированным и подчиненным политическим целям общества, строящего коммунизм. Чтобы не умножать сверх всякой необходимости примеры этому, а их можно найти практически во всех больших и малых советских энциклопедиях и атеистических словарях, обратимся только к одной «Советской исторической энциклопедии», в которой джихад определяется как священная война, в «которой по предписаниям Корана (не вполне ясным и противоречивым) полагается участвовать каждому боеспособному мусульманину... В средние века и новое время одни мусульманские богословско-юридические авторитеты полагали, что джихад – наступательная война в целях расширения территории мусульманских государств и обращения иноверцев в ислам; другие считали джихад только оборонительной войной... В новейшее время джихад часто по наущению английских колонизаторов (в Иране, Средней Азии, отчасти на Северном Кавказе) и германских империалистов (в Турции во время 1-й мировой войны) использовался реакционными феодальными кругами в антинародных целях» [23].

В постсоветский период отечественной истории представление джихада в различных изданиях несколько очистилось от советских идеологических и политических наслоений. Однако вместо ожидаемого объективного, предметного, беспристрастного, понятийного отражения глубинной сущности джихада произошел возврат к тем же абстрактным и однобоким изображениям ее как газавата, широко представленным в западной исламистике. Чтобы убедиться в этом, достаточно обратиться к «Большому энциклопедическому словарю», где можно прочитать: «Джихад (араб. – священная война – война за веру; букв. – усердие, рвение), предписание ислама, предусматривающее его распространение и утверждение, вплоть до т. н. "священной войны" против иноверцев» [5]. И тут же приводятся синонимы термина «джихад»: война, газават, усердие.

Правда, электронная версия этого энциклопедического источника восполняет собственную немногословность в отношении характеристики джихада отсылками на определения из ряда других справочных изданий. Но ознакомление с ними показывает, что почти все они даны как доказательство приведенной дефиниции. В этом плане примечательны уже одни только ссылки на словари иностранных слов – «Толковый словарь иностранных слов Л.П. Крысина. – М.: Русский язык, 1998», «Словарь иностранных слов. – Комлев Н.Г., 2006», «Новый словарь иностранных слов. – by

EdwART, 2009», которые метко бьют не в бровь, а прямо в глаз. Во всех этих словарях джихад – это «то же, что газават».

Ничего большего в понимании джихада не прибавляют и обращения к другим носителям справочной информации: ни «Большой толковый словарь русского языка» Кузнецова, ни «Толковый словарь» Ефремовой, ни «Словарь» Кольера на русском языке, ни прочие словари и словарики. Традиции предвзятого, ущербно однобокого представления джихада, сводящего его к войне, продолжают «Большой современный толковый словарь русского языка», «Большой энциклопедический словарь», «Энциклопедический словарь», «Энциклопедический словарь», «Краткий религиозный словарь», прочие энциклопедии, словари и справочники.

Исключением в этом ряду словарей стоит «Исламский энциклопедический словарь», который дает джихаду несколько развернутую характеристику: джихад – это «усилие, борьба за то, что является для человека самой благородной и возвышенной целью на земле. Каждый мусульманин должен проявлять усердие в утверждении и защите ислама, расходовать для этого свои материальные средства, умственные способности и все свои силы... Джихадом является также борьба со своими духовными, или с социальными пороками (например, с ложью, обманом, развращенностью общества и т. д.). Таким образом, джихад – это и борьба со своими страстями, и устранение социальной несправедливости, и постоянное усердие в деле распространения религии Аллаха и, наконец, ведение войны с агрессорами во имя Аллаха...

Обязанность по ведению джихада может возлагаться как на определенную часть мусульман (фард аль-кифая)..., так и на каждого мусульманина в отдельности (фард аль-айн), если в этом есть необходимость. Целью джихада является утверждение истины и устранение всякой несправедливости. Причем джихад не ведется с целью мести, убийства, грабежа других людей или захвата и порабощения различных народов... Не ведется также джихад для насильственного обращения в Ислам...» [11]. Далее словарь предлагает классификацию видов джихада, которая вызывает больше вопросов, чем понимания, по той простой причине, что в ней смешаны все возможные критерии классификации и вне упорядочивания оставлено множество его разновидностей.

Можно было ожидать, что большей ясности в понимание джихада прибавит обращение к словарям арабского языка. Однако в «Энциклопедическом словаре классического арабского языка «Лисан аль-’араб» («Язык арабов»)), составленного Ибн Манзуrom, выстраивается исключительно лингвистическое толкование джихада: «Слово «джихад» в своей основе из корневых букв «джим», «фа» и «даль» (дж + h + д) несет следующие смысловые значения: рвение; старание; усилие; прилежание; приложение всех сил; отдача всех сил; способность; труд; напряжение; самоотдача; энергия; тяжесть; трудность; борьба; война; утомление; истощение; исследование» [10]. Такую же ущербность мы находим и в работе Абу аль-Касема аль-Хусейна Мухаммада ибн аль-Муфаддала «Кораническая лексика», которая указывает, что термин «джихад» «несет в себе значение тяжкого труда, приложения сил и усердия». Эти же три составных элемента джихада выделяются и в словаре Ар-Рагыба аль-Исфахани. Толковый словарь арабского языка «Мухит аль-Мухит» под редакцией Бутруса аль-Бустани добавляет к ним еще одно значение – «сражение» [10].

Джихад в профессиональном исламоведении

Расходятся в понимании джихада и отдельных терминов, сопрягаемых с ним, и авторитетные комментаторы стихов Корана. Надо ли толковать борьбу с неверными как призыв к военным действиям или же речь идет только о словесном сражении? Некоторые объясняют смысл джихада, трактуя его как требование сражаться с

неверующими мечом, а с лицемерами – словом. Есть и такие толкователи, которые вообще опровергают наличие в джихаде каких-либо призывов к священной войне, тогда как для других комментаторов джихад это исключительно усердствование в ведении войны с немусульманами. Расхождения проявляются и в понимании усердствования душами или же имуществом как средством изменения своего образа жизни в соответствии с требованиями ислама и стремлением к достижению поставленных целей.

Не формирует у читателя ясности понимания джихада и обращение к работам известных исламских теологов прошлого. В комментарии Мукатиля ибн Сулеймана аль-Балхи (ум. в 150 г. х.) «Смыслы и подобия слов в Благородном Коране» можно прочесть, что джихад в Коране употребляется в 3-х смыслах: 1) усилие на божьем пути с помощью слова; 2) борьба с оружием в руках; 3) рвение и деяния на божьем пути. Об этих же значениях джихада пишет и Абу Хилял аль-Хасан ибн Абдуллах аль-Аскари (ум. в 395 г. х.). В комментарии «Смыслы и подобия слов Книги Всемогущего Аллаха» Абу Абдулах аль-Хасан ибн Мухаммад ад-Дамегани (ум. в 478 г. х.) смыслами джихада полагает труд, деяние, усердие, старание, приложение сил. Ссылками на аяты из Корана он расширяет понимание джихада, включая в его содержание и борьбу с помощью слова, и борьбу с помощью оружия [10].

Полагая, что «джихад на пути Аллаха предписывает насильственное обращение других людей к вере Ислама» [31, с. 7], Аль-Маудуди связывает с ним только те действия, которые предприняты совершенно искренне, без всякого злого или корыстного умысла, ради милости и удовлетворения Господа. Он же истолковывает пять традиционных столпов ислама как подготовку к джихаду, понимаемому как борьба против творений Аллаха, узурпировавших Его суверенитет [32, с. 249–250]. В другой работе он трактует джихад как «такой же первейший долг мусульман, как и ежедневные молитвы и пост», а того, кто уклоняется от него, объявляет грешником и не считает истинным мусульманином, поскольку «все его молитвы и посты являются притворством, фальшивой демонстрацией своей преданности Господу» [1]. Но истолковав традиционные столпы ислама как подготовку к джихаду, Аль-Маудуди, осознавая это или нет, выпячивает исключительно политический аспект джихада в ущерб теологическому, что собственно и выразилось в создании им в 1941 году «Джамаат-и ислами» – организации для ведения джихада. Позицию этого авторитетного теоретика ислама К.А. Кадырова трактует следующим образом: «Джихад является частью «всеохватывающей защиты Ислама» и означает борьбу из последних сил, в ходе которой верующий отдает все свои физические и интеллектуальные силы, тратит во имя Господа все свое богатство» [12, с. 49].

Сейид Кутб, заимствовавший понимание джихада у Аль-Маудуди, разворачивает на его основе свою концепцию революционного захвата власти, превращая джихад в идеологическую основу деятельности организации «Братья-мусульмане». Он выступает категорически против представления джихада как движения исключительно оборонительного характера: «...Если мы неизбежно должны назвать движение Джихада в Исламе оборонительным движением, то мы непременно должны изменить смысл слова “оборона” и понимать под ним “защита человека”... Ислам, устремляясь к миру, не имеет в виду тот дешевый мир, суть которого сводится лишь к тому, чтобы обезопасить территорию, на которой проживает население, воспринявшее исламское вероучение. Ислам желает такого мира, под сенью которого вся религия полностью бы принадлежала Аллаху, то есть, чтобы люди, все люди под сенью этого мира поклонялись только Аллаху...» [16, с. 245–246].

О вооруженной борьбе как высшей форме проявления джихада, для ведения которого совсем не обязательно, чтобы на мусульман нападали, пишет и Тарик аз-Зумра: «Достаточно, чтобы они всего лишь имели признаки тех людей, с которыми надлежит воевать» [34, с. 308]. Развивая эти идеи, Айман аз-Завахири, лидер и

теоретик радикальной египетской организации «Аль-Джихад», и вовсе придает джихаду глобальный характер, обозначая все мировое сообщество как «дальнего врага» ислама, с которым нужно вести борьбу, используя любое оружие, даже запрещенное мировым сообществом. И тут же призывает мусульман не откладывать джихад с «дальним врагом», так как альянс евреев и крестоносцев не дает ни времени, ни шансов нанести поражение «внутреннему врагу» [8, с. 126].

А. Фараг, Х. Ат-Тураби, А. аз-Зумр представляют джихад как шестой столп ислама и комментируют его как индивидуальную обязанность мусульманина вести вооруженную борьбу. «...Война в исламе ведется для утверждения слова Аллаха на земле как оборонительным образом, так и наступательным... Ислам распространялся мечом, однако безбожные имамы скрывают это... На мусульманах лежит обязанность поднять мечи и направить их на режимы, которые скрывают истину» [20, с. 84–85]. Понятно, что после таких разъяснений все другие заверения типа «под джихадом мусульманина вообще не следует подразумевать сокрушительную войну против неверных» [28] теряют какой-либо позитивный смысл.

Отдельные теоретики ислама прилагают немало усилий к тому, чтобы развести понятия малого и большого джихада. Так, к примеру, египтянин аль-Ашмави пишет: «Джихад в исламе полностью определяется хадисом Пророка, обратившегося к верующим после битвы при Бадре, в которой они одержали победу: “Мы вернулись с Малого джихада – к Великому джихаду. И война против врагов, в которой подвергаются риску жизнь и имущество, это – меньший, малый джихад с точки зрения правильного ислама. Что же касается настоящего Великого джихада, то это сопротивление души испытаниям, преодоление человеком порицаемых свойств характера и поведения, содействие тому, чтобы нрав [человеческий] возвышался, приучение собственного духа к щедрости”» [17, с. 116].

На многоаспектность понятия *джихад* обращает внимание и турецкий богослов Али Булач: «Первый из них – это духовное и морально-нравственное усилие, которое необходимо затратить для преодоления сложных и трудных препятствий, исходящих из внутреннего мира человека и его естества. Второй же аспект – это все действия, которые выполняются с целью создания необходимой материальной и социальной среды для свободного объяснения религии и воплощения ее на практике» [6, с. 120].

Ради полноты картины нам следует сказать и о том, что отдельные авторитетные представители ислама, как традиционалисты, так и реформаторы-модернисты, выступали и выступают сегодня против военно-политической интерпретации джихада, его превращения в идеологическое обоснование насилия, террора, экстремизма. Так, Харун Яхья доказывает, что использование «понятия «джихад» применительно к любым формам насилия, направленным против ни в чем не повинных людей, то есть для описания террора, является величайшей несправедливостью и искажением истины» [27, с. 36].

В большинстве своем исламские реформаторы, воспринимающие религиозную терпимость как фундаментальный принцип ислама, акцентируют интеллектуальный и морально-этический аспекты джихада: “Священная война” такого рода должна быть направлена на изменение правил прошлого в соответствии с новой обстановкой (при условии, что эти изменения не нарушают общих традиционных принципов и ценностей) и одновременно на изменение современной ситуации там, где это требуется, чтобы привести ее в соответствие с этими общими принципами и ценностями» [33, с. 7].

Попытки лишить джихад теологического смысла, придав ему исключительно военно-политическую направленность, мы находим во многих работах представителей западной исламистики прошлого и современности. Так, к примеру, Йозеф Шахт объявляет о том, что джихад является «священной войной исламской страны против неисламских, которая направлена на постоянное расширение границ до тех пор, пока

весь мир не станет мусульманским и все не будет находиться под властью ислама» [29, с. 139].

Как агрессивную и кроваждную религию, ведущую перманентную вооруженную войну против всего цивилизованного мира, пытается представить Ислам и израильтянин Владимир Френкель, который пишет, что в мусульманский закон «включаются: ежедневная пятикратная молитва; взнос в пользу бедных; пост в месяц Рамадан; паломничество в Мекку; *джихад*: утверждение веры и ее насильственное распространение» [25, с. 123–124]. И далее: «С самого начала новую религию отличало то, чего не было в основе, подчеркиваю, в основе других мировых религий, – ее принципиальная агрессивность. *Джихад* – одна из основных заповедей ислама, если не самая основная» [25, с. 126]. «Христианство может существовать и без меча – ислам этого не может, это против его природы» [25, с. 127].

Сегодня приходится признавать и то, что в различных книгах, наставлениях, поучениях, адресованных «истинным» мусульманам, по всему миру широко пропагандируется понимание джихада исключительно как вооруженной борьбы, войны, сражения со всеми «неистинными» мусульманами. Яркий пример тому – «Книга воинов Аллаха», авторами которой обозначены Саид Абуль Аля Аль-Маудуди и Абдуль Кадир ибн Абдуль Азиз, но скорее всего она составлена анонимными вдохновителями терроризма на основе избирательной актуализации отдельных моментов учений этих исламских авторитетов. *Джихад* в ней объясняется как форма испытания мусульман: «Нас Он испытывает кафирами, приказав нам вести с ними *джихад*, для выявления истинных верующих от мунафиков (лицемеров), которые будут искать причины для того, чтобы не совершать *джихад*» [14, с. 3]. Определяя *джихад* как «расходование сил и энергии в битве (войне) на пути Аллаха против кафинов, мушриков и вероотступников» [14, с. 39], составители выводят следующие цели *джихада*: «1) Установление на земле законов Аллаха. 2) Восстановление ислама и справедливости и ликвидация куфра и несправедливости. 3) Помощь угнетенным, слабым и отпор наступающему врагу» [14, с. 40]. По их мнению, *джихад* является еще и сделкой, заключенной с Аллахом, где «Покупаемый товар – рай, форма торговли – *джихад*, вид оплаты – жертвовать душой и имуществом» [14, с. 41].

Исключительные представления *джихада* как священной войны мусульман против всего немусульманского мира тиражировались и приснопамятными теоретиками Северокавказского террористического подполья. В частности, З. Яндарбиев писал, что *джихад* является военным противостоянием, призванным обеспечить победу мусульманам и принести счастье всему человечеству [7, с. 187]. Акцентуация военно-политического аспекта *джихада* была свойственна и Я. Расулову [21].

Во всех этих и подобных им рассуждениях о *джихаде* как священной войне и обязанности мусульман вести вооруженную борьбу со всем миром ради торжества своей религии проявляется не только полное непонимание подлинной сути *джихада*. В них значительно больше демонстративного искажения фундаментальных положений ислама, на основе чего сформирован некий антиисламский манифест, так ярко представленный в переведенном А. Малашенко на русский язык исследовании Жилия Кепеля «*Джихад: экспансия и закат исламизма*» [13].

О сущности феномена *джихад*

Проведенный анализ показывает, что почти все авторы в попытках выразить сущность феномена «*джихад*» с завидным упорством повторяют одни и те же методологические ошибки. Они хотят определить его сущность на основе абстрактного, экземплярного подхода, сводящего суть искомого религиозного феномена к перечислению многообразных его проявлений, с акцентуацией на какие-то

конкретные его формы или разновидности. Иным исследователям свойственны погрешности лингвистического подхода, закладывающего в основу толкования джихада его этимологическое значение и последующую эволюцию этого термина. Только выведенные подобными способами определения оказываются не более чем рациональными односторонностями, умножающими одни и те же недостатки.

Как тут не вспомнить известную восточную притчу «О слоне и семи слепых мудрецах». Согласно притче, каждый из слепых мудрецов должен был подойти к слону и, схватившись только за одну конкретную его часть, определить какой же предмет перед ним находится. Мудрец, схвативший слона за ногу, утверждал, что перед ним дерево, ухвативший слона за хобот предполагал, что перед ним – змея, а слепец, ощупавший слона за хвост, судил о нем как о веревке и т. д. Каждый из этих слепых мудрецов определял слона по своему однобокому восприятию, а так как ни у одного из них не было возможности охватить слона всесторонне, ни одно из полученных определений не отражало сущности того, чем же слон в действительности является. Притча убеждает нас в том, что, увеличивая количество абстрактных односторонностей, невозможно понять сущность предмета как целостности.

Авторы многочисленных книг, статей, словарей, комментариев, в которых предлагаются однобокие определения джихада, оказываются теми же «слепыми мудрецами», они наступают на одни и те же «методологические грабли», что и пытающиеся определить слона на основе восприятия одной конкретной его части. Попытки соединить все полученные таким образом определения в одно и дать обобщающую дефиницию проблемы не решают по причине того, что все изначальные односторонности носят исключительно описательный характер, в котором не схватывается глубинная сущность познаваемого религиозного явления.

В нашем случае с джихадом, как и со слонем в приведенной притче, мы имеем множество абстрактных, односторонних, порою предвзятых определений, которые ни по отдельности, ни в совокупности не раскрывают сущности того религиозного феномена, который обозначается термином «джихад». Джихад – это и борьба за веру, и священная война, и вооруженная борьба, и сражение, которое может быть как наступательным, так и оборонительным. Это и усердие, и рвение, проявляемые в исполнении предписаний Ислама, и расходование души, тела и имущества ради утверждения религии. Это и борьба с духовными или социальными пороками, и устранение социальной несправедливости, и проявление старания, усилия, прилежания, и отдача всех своих сил, способностей, труда, напряжения, и энергия, тяжесть, трудность, утомление, истощение. Джихад – это и сражение с помощью слова, и сражение с оружием в руках. Это и деяния на божьем пути, направленные на установление на земле законов Аллаха, и восстановление попорченной справедливости, и ликвидация неверия в себе и других, и помощь угнетенным, слабым, и еще много чего другого. Джихад ведется против язычников, многобожников, иноверцев, вероотступников, притеснителей веры, захватчиков, разбойников, отказывающихся платить «джизию» и т. д. Нередко в конкретных социально-исторических условиях джихадом объявлялись и борьба за сбор урожая, и борьба с неграмотностью, и борьба нового со старым, и классовая борьба и пр.

Повторим, что все эти рациональные односторонности в определении джихада происходят из повторения одной и той же методологической ошибки, заключающейся в попытках дать понятийное определение конкретного религиозного феномена на основе абстрактного подхода, не учитывающего конкретные мотивы всей совокупности стараний, деяний, поступков, причисляемых к джихаду. А это важно в силу того, что одно и то же действие, например, расходование души, тела или имущества, может быть обусловлено совершенно различными мотивами. Таким мотивом может быть религиозная идея, а может и меркантильный интерес личности или конфессионального сообщества. По причине того, что в основу определения джихада не закладывается идея

беззаветного служения богу, с джихадом легко можно отождествить любые радикальные действия, в том числе и такие, которые не имеют никакого отношения к укреплению веры в Единого Аллаха.

Помимо того, что в список явлений, относимых к джихаду, при экземплярном подходе к его определению могут быть включены любые явления, ущербность такого подхода проявляется еще и в том, что никакой перечень стараний и действий, относимых к джихаду, не может стать исчерпывающим. Выходит, что определение джихада путем простого перечисления форм, разновидностей, объектов, входящих в объем определяемого понятия, его целей вообще не может считаться логически корректным и плодотворным. Другим проявлением методологической ущербности этого подхода предстают попытки сначала определить джихад как вооруженную борьбу, или борьбу со своим нафсом, а затем наполнить это определение конкретным содержанием, перечисляя все то, что к нему можно приписать. Идущие по такому пути забывают, что назначение научного религиоведения состоит в беспристрастном анализе религиозных феноменов, обнаружении их глубинной сущности и последующей ее фиксации в научной дефиниции, а не в умножении односторонних определений или искусственной классификации проявлений.

Таким образом, выстраивание конструкций смысловых моделей джихада на основе перечисления различных его форм и разновидностей проявления или на базе терминологической трансформации оказывается показателем поразительного непонимания проблемы обнаружения и понятийного выражения сущности явления. Они занимаются или восхвалением одних разновидностей джихада, или осуждением других отдельных форм его проявления в истории и современности. Такие попытки не столько способствуют выработке научных дефиниций, сколько ведут к смешению различных по своей природе явлений. И связано это с тем, что многие авторы, определяющие джихад как священную войну, выдвигают на передний план не научную объективность и беспристрастность исследования этого феномена, не вопрос о его подлинной сущности. Поэтому нам так важно определить конкретно-историческую сущность джихада и на этой основе дать классификацию его возможных форм, проявлений, разновидностей.

Многочисленное повторение исследователями одних и тех же методологических просчетов привело к тому, что сегодня в исламоведении нет более или менее отчетливого понятийного представления джихада. Если за таковые не считать те рациональные односторонности, которые на протяжении многих десятилетий упорно тиражируются в разного рода источниках. Отсутствие в исламском мире одного авторитетного научного центра толкования положений ислама позволяет различным авторам выдвигать свое специфическое понимание джихада, вытекающее из конкретных религиозных, военно-политических, экономических, иных интересов авторов или их спонсоров. Предлагаемые наиболее одиозными авторами односторонности в определении джихада, в свою очередь, становятся основанием обличения ислама как кровавой религии. Они нередко дают действительным врагам ислама повод трактовать его как религию «огня и меча, а джихад как стремление грабить, забирать в плен, убивать врагов, как агрессивное средство насаждения религии» [9, с. 193].

Подводя итоги анализу методологической ущербности существующих определений джихада, мы можем констатировать, что многообразие подходов и определений, с одной стороны, является свидетельством непрекращающегося на протяжении веков коллективного поиска сущности джихада как трудно выразимого рационально, но очень яркого и многоаспектного феномена. С другой стороны, в существующих на сегодня определениях джихада его глубинная сущность вуалируется множеством предвзятых, односторонних, абстрактных и потому ущербных

определений, фокусирующихся на отдельных ярких его проявлениях и внешних очевидных признаках.

Обобщая все приведенные определения, мы не можем ограничиваться фиксацией в его дефиниции общих для всех проявлений джихада признаков (да и признак такой один – усердие, прилагаемое в деле укрепления ислама). Много важнее наметить эвристическую программу развертывания теоретической конструкции джихада и определиться с методологией разработки таковой. Чтобы понятийно отразить сущность джихада как многогранного исламского феномена крайне важно осмыслить его как специфическое состояние индивидуальной психики верующего и особенную форму религиозного служения. Более того, индивидуальный уровень джихада должен быть соотнесен и рассмотрен во взаимосвязи с пониманием джихада как специфической формы массового религиозного сознания и поведения. И весь этот анализ важно провести на основе соотнесения возможных теоретических выкладок с конкретными разновидностями и проявлениями джихада.

Для выработки сущностного определения джихада нам следует прежде всего очертить предметную сферу, т. е. вычленив круг явлений, относимых к джихаду. Затем на базе существующих в разнообразной литературе дефиниций необходимо будет вывести первоначальное гипотетическое определение. Далее исходную дефиницию следует прилагать к тем феноменам, которые рассматриваются как проявления джихада, не забывая об их конкретно-историческом характере. Таким образом, мы сможем не только подвергать практической проверке изначальное гипотетическое определение джихада, но и углублять, развивать его первичное представление в развернутую духовно-теоретическую конструкцию. При этом мы должны будем исходить из признания того, что в исламской реальности есть масса явлений, которые относятся к джихаду, что и будет составлять предмет исследования, и есть некий набор уже сложившихся определений этого предмета. Степень соответствия между объективным предметом и теми определениями, которые существуют или будут выработаны в последующем, градус объективного отражения в них сущности джихада будут свидетельствовать о проникновении теоретической исламоведческой мысли вглубь исследуемого религиозного феномена. Более того, не следует забывать и о партикулярности, фрагментарности всего религиозоведческого познания, дающего не всеобъемлющее представление о таком неоднозначном феномене как джихад, а только то ее теоретическое понимание, которое и дальше будет углубляться, развиваясь в направлении раскрытия еще более глубинной его сущности.

Так что же представляет собой джихад с обозначенных нами методологических позиций? Термин *джихад* образован от арабского слова *джагада*, буквально означающего «стараться, прилагать усилия, бороться». Близкий к нему по значению термин *газават*, с которым часто и ошибочно отождествляют джихад, образован от слова *джагаза*, в буквальном переводе означающего «совершать поход, воевать». По своей внутренней сути джихад является сосредоточением сознания, воли, желаний, усилий как отдельного верующего, так и всего конфессионального сообщества на укреплении веры в Единого Аллаха, на защите и распространении этой веры вовне, на подчинении жизни всего социума требованиям ислама. Джихад проявляется в совокупных усилиях, прилагаемых верующими на пути укрепления веры в Аллаха в себе и других людях, усердии, направленном на качественное улучшение мусульманской уммы и ее количественный рост. Из такого понимания проистекает и высшая цель джихада, о которой известный российский исламовед В.Х. Акаев пишет: «Это борьба против людских пороков, путь духовного совершенствования верующего, через который должно достигаться совершенство мусульманского социума» [3, с. 437].

Ни одна религиозная система, будь то ислам, христианство, иудаизм, буддизм, конфуцианство, синтоизм или что-то другое, не может утверждаться, укрепляться и распространяться иначе, как на основе усердного служения ее приверженцев своей

религии. Поэтому неправомерным является утверждение, что джихад – это исключительно исламский феномен. О том, что джихад характерен не только для ислама, пишут и другие исследователи [4, с. 75]. В этом плане примечателен вывод, к которому пришел небезызвестный С. Хантингтон в своей нашумевшей работе «Столкновение цивилизаций»: «Концепции "джихада" и "крестового похода" не только сходны между собой, но и отличают эти две религии от прочих основных мировых религий» [26, с. 330].

Понятно, что арабский термин «джихад» употребляется только для обозначения исламского феномена, но подобное же явление имеет место и в любых других религиозно-культовых системах. В иудаизме или христианстве не используется образованный от арабского слова термин «джихад», что, однако, не может являться свидетельством отсутствия обозначаемого им феномена в этих религиях. В исламе джихад предстает концентрацией усилий всех верующих на пути утверждения веры в Единого Аллаха. А в иудаизме или христианстве разве нет требования сосредоточения воли и усердий верующих во имя своего бога, своего религиозного образа мыслей и жизни? Конечно, есть, только в других религиях для его обозначения используются иные термины. Яркий пример этому мы находим в Основах социальной концепции РПЦ, где читаем: «Наши христоролюбивые воины с оружием в руках охраняют Святую Церковь, охраняют государя, в священной особе коего почитают образ власти Царя Небесного, охраняют отечество, с разрушением коего неминуемо падет отечественная власть и поколеблется вера евангельская. Вот драгоценные залого, за которые до последней капли крови должны сражаться воины, и, если они на поле брани положат души свои, Церковь причисляет их к лику святых мучеников и нарицает молитвенниками пред Богом» [19, с. 47]. И что это, если не православный джихад? И почему только с исламом ассоциируют джихад и только исламский джихад коррелируется с войнами, сражениями, терроризмом, самоубийствами и прочим негативом, хотя их проявлений в истории того же христианства можно найти значительно больше, чем в истории ислама?

Искренне верующий, убежденный в правоте своей религии человек независимо от принадлежности к конкретной конфессии подчиняет свою жизнь требованиям, логично вытекающим из догматов его веры. Он хочет, чтобы и другие люди жили в соответствии с этими же принципами. Более того, он должен страстно желать, чтобы вся реальная социальная система существовала и функционировала не в противовес его вере, а в полном созвучии с ней. У множества других людей могут быть иные верования и убеждения, иные ценностные ориентиры и установки, в соответствии с которыми имеют право жить и они. И если их воспринимать как своих личных врагов или врагов веры, тогда в обществе воцарится хаос, приверженцы одной религии будут стремиться уничтожать адептов другой веры. А когда человек видит несовершенство современного мира, торжество несправедливости в нем, творимый «хозяевами» жизни беспредел, тогда возникает необходимость указания на реальные или вымышленные причины такого состояния.

Причиной почти всех зол в современном мире обозначен международный терроризм, сознательно коррелируемый с исламской религией, джихадом, который ведут мусульмане. Враг обозначен, агу его! И как тут не вспомнить слова известного отечественного исламоведа А. Игнатенко: «Террористы (если они мусульмане) представляют совсем не тот ислам, которым руководят облеченные должностями исламские лидеры, и, наверное, не станут их слушать, даже если те и захотят что-то сказать террористам. У меня есть ощущение, что все теракты последнего времени с участием мусульман – в США, Индонезии, на Филиппинах, в России, других местах – планируются и осуществляются таким образом, чтобы происходила радикализация и, если можно так выразиться, «экстремизация» ислама и мусульман вследствие

неминуемого общественного ответа (а он, естественно, всегда негативен) на подобные террористические акты» [3, с. 434].

Заключение

Знакомство с информацией о джихаде, имеющейся в популярной литературе, создает у читателя однобокое поверхностное представление о нем как о предписании ислама распространять религию Аллаха «огнем и мечом». Каждый мусульманин должен вести газават, т. е. вооруженную войну, он обязан сражаться всеми своими силами и средствами на пути утверждения Религии Аллаха. Такое одностороннее представление джихада не считается с тем, что ислам изначально утверждался как религия, средством распространения которого были доброе слово и увещание. А джихад в нем рассматривался как путь утверждения новой религиозной веры, как усилие по спасению собственной души, и он протекал под лозунгом – «Нет принуждения в религии» [15, с. 56], о чем красноречиво свидетельствуют многие аяты Корана, в частности: «Зови к пути Господа с мудростью и хорошим увещанием и препирайся с ними тем, что лучше!» [15, с. 231].

В последующем содержание джихада было обогащено пониманием его как «священной войны», «войны за веру», «сражения». Только сражаться с врагами новой веры с оружием в руках стало дозволенным лишь после того, как язычники, не внявшие увещаниям Мухаммада и его сподвижников, стали нападать на мусульман. Так в изменившихся исторических условиях джихад первоначально предстал требованием вести оборонительную войну, а затем и войну наступательную. Джихад стал обязанностью мусульманина: «Если вы не выступите, накажет вас Аллах мучительными наказаниями и заменит вас другим народом» [15, с. 165].

Последующее обогащение джихада настолько расширило его понимание, что в джихад оказались включенными самые различные явления. Но во всех этих многообразных формах и разновидностях джихада, хотя и в разной мере, находит свое проявление его глубинная сущность, которая состоит в концентрации всех возможных усилий и средств верующего и уммы в целом на укреплении веры в Аллаха, приведении личной и общественной жизни в соответствие с нормами и требованиями ислама. И все же, главное в джихаде как исламском феномене – это не идеологический и не военно-политический аспект, а его теологическая и нравственно-этическая составляющая, которая требует от мусульман последовательно идти по пути, предписанному Аллахом, проявлять на этом пути доброту и справедливость. Мусульманином нужно оставаться и в будние дни, и в сражениях.

Литература

1. Абу Аля аль-Маудуди. К пониманию ислама // <http://molites.narod.ru/maududi.html>.
2. Абу Аля аль-Маудуди. Ислам сегодня. – М.: ПК «Сантлада», 1992.
3. Акаев В.Х. Суфизм в контексте арабо-мусульманской культуры. – Грозный: ГУП «Книжное издательство», 2020.
4. Бекбосынова С. Международный терроризм в современном мире // *Обозреватель-Observer*. – 2007. – № 3.
5. Большой энциклопедический словарь. 2000 // <https://rus-big-enc-dict.slovaronline.com/19963>.
6. Булач А. Джихад // *Ислам о терроре и акциях террористов-смертников* / сост. Э. Чапан. – М.: Новый свет, 2005.
7. Гараев Д. Идеология русскоязычного джихадизма до ИГИЛ: рецепция советского как рождение постсоветского радикализма // *Государство, религия, церковь в России и за рубежом*. – 2017. – № 3.

8. *Добаев И.П.* Экстремистские неправительственные религиозно-политические организации как средство геополитики исламского мира // *Философия права*. – 2002. – № 2.
9. *Журавлев И.В., Мельников С.А., Шершнев Л.И.* Путь воинов Аллаха. Ислам и политика России. – М., 2004.
10. Значение слова «джихад» в классическом арабском языке // <https://islam-today.ru/blogi/farid-salman/znacenie-slova-dzihad-v-klassiceskom-arabskom-azyke/>
11. *Исламский энциклопедический словарь* / А. Али-заде. – Ансар, 2007.
12. *Кадырова К.А.* Джихад в трудах Абу Аля аль-Маудуди // *Вестник РУДН. Сер.: Всеобщая история*. – 2015. – № 1.
13. *Кепель Жиль.* Джихад: экспансия и закат исламизма. – М.: Ладомир, 2004.
14. *Книга воинов Аллаха*. – Аль-Ашбал, 2008.
15. *Коран* / пер. и коммент. И.Ю. Крачковского. – 2-е изд. – М.: Наука, 1986.
16. *Кутб С.* Будущее принадлежит исламу. Эта религия. Вехи на пути Аллаха. – Махачкала, 1997.
17. *Мухаммад Саид аль-Ашмави.* Джихад в исламе // *Аль-ислам ас-сийиси (Политический ислам)*. – 3-е изд. – Каир, 1992.
18. *Новый словарь иностранных слов*. – by EdwART, 2009.
19. *Основы социальной концепции Русской Православной Церкви* // *Информационный бюллетень ОВЦС*. – 2000. – № 8.
20. *Ражбадинов М.З.* Радикальный исламизм в Египте. – М., 2003.
21. *Расулов Я.* Джихад на Северном Кавказе: сторонники и противники // *Официальный сайт пресс-бюро Вилаята Дагестан*. 28.11.2016 <http://vd.ag/wp-content/uploads/Knigi/896.pdf>
22. *Словарь иностранных слов* / Н.Г. Комлев. – М.: Эксмо, 2006.
23. *Советская историческая энциклопедия* // <https://rus-sov-istoria-enc.slovaronline.com/6473>
24. *Толковый словарь иностранных слов Л.П. Крысина*. – М.: Русский язык, 1998.
25. *Френкель В.* Под тенью ислама // *Россия и мусульманский мир*. – 2003. – № 8.
26. *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций. – М., 2003.
27. *Харун Яхья.* Ислам проклинает террор. – Астана, 2002.
28. *Шатаев А.* Джихад – не священная война // <https://proza.ru/2019/11/27/1984>
29. *Шахт Й.* Ислам хукукуна гириш (Введение в исламское право) / пер. М. Даг, – А. Кадир Шенер. – Анкара, 1977.
30. *Энциклопедический словарь* / *Ф.А Брокгауз, И.А. Евфрон*. Т. 20. – С-Пб., 1893.
31. *Abu A`la Maududi.* Jihad in Islam. – Beirut: The Holy Koran Publishing House, 2006.
32. *Maududi S.A.A.* Fundamentals of Islam. – 1-st English ed. – Lahore: Islamic Publication, 1975.
33. *Rahman F.* Islam and Modernity. – Chicago, London, 1982.
34. *Ruthven M.* Islam in the World. – N. Y., Oxford, 1984.

References

1. Abu Ala al-Maududi. Towards understanding Islam // <http://molites.narod.ru/maududi.html>.
2. Abu Ala al-Maududi. Islam today. – М.: ПК "Santlada", 1992.
3. Akaev V.H. Sufism in Arab-Muslim culture. - Grozny, 2020.

4. Bekbosynova S. international terrorism in the modern world // *Obozrevatel-Observer*, 2007. № 3
5. Large encyclopedic dictionary. 2000 // <https://rus-big-enc-dict.slovaronline.com/19963-6>
6. Bulach A. Jihad // *Islam on terror and actions of suicide bombers* / comp. E. Chapan. – Moscow: Novy Svet, 2005.
7. Garaev D. Ideology of Russian-language jihadism before ISIS: reception of the Soviet as the birth of post-Soviet radicalism // *State, religion, Church in Russia and abroad*. 2017. № 3.
8. Dobaev I. P. Extremist non-governmental religious and political organizations as a means of geopolitics of the Islamic world // *Philosophy of law*. – 2002. – № 2.
9. Zhuravlev I.V., Melnikov S.A., Shershnev L.I. the Way of Allah's warriors. Islam and politics of Russia. – M., 2004.
10. Meaning of the word "Jihad" in classical Arabic // <https://islam-today.ru/blogi/farid-salman/znacenie-slova-dzihad-v-klassiceskom-arabskom-azyke/>
11. Islamic encyclopedia / A. Ali-zade. Ansar, 2007.
12. Kadyrova K. A. Jihad in the works of Abu Ala al-Maududi // *RUDN Bulletin, universal history series*, 2015, № 1.
13. Kepel Gil. Jihad: the expansion and decline of Islamism. Publishing house: Ladomir, 2004.
14. Book of warriors of Allah. – Al-Ashbal. 2008.
15. Koran / trans. and commentaries By I.Y. Krachkovsky. Ed. 2. – M.: Science, 1986.
16. Qutb S. the Future belongs to Islam. This religion. Milestones in the path of Allah. – Makhachkala, 1997.
17. Muhammad said al-Ashmawi. Jihad in Islam // *al-Islam al-siyasi (Political Islam)*. 3rd ed. – Cairo, 1992.
18. New dictionary of foreign words.- by EdwART, 2009.
19. Fundamentals of the social concept of the Russian Orthodox Church // *DECR Newsletter*. 2000. No. 8.
20. Razhbadinov M.Z. Radical Islamism in Egypt. – M., 2003.
21. Rasulov Ya. Jihad in the North Caucasus: supporters and opponents // Official website of the press Bureau of the Dagestan Vilayat. 28.11.2016 [<http://vd.ag/wp-content/uploads/Knigi/896.pdf>]
22. Dictionary of foreign words. – Komlev N.G., 2006.
23. Soviet historical encyclopedia // <https://rus-sov-istoria-enc.slovaronline.com/6473->
24. Explanatory dictionary of foreign words by L.P. Krysin. – M.: Russian language, 1998
25. Frenkel V. Under the shadow of Islam // *Russia and the Muslim world*. 2003. № 8.
26. Samuel P. Huntington Clash of civilizations, Moscow, 2003.
27. Harun Yahya. Islam curses terror. – Astana, 2002.
28. Shataev A. Jihad – not a Holy war // <https://proza.ru/2019/11/27/1984>
29. Shakhtov. Islam hukukuna Girish (Introduction to Islamic law), per. M. Dag-A. Kadir Shener. Ankara, 1977.
30. Encyclopedic dictionary / F.A Brockhaus, I.A. Euphron. T. 20. SPb., 1893.
31. Abu A'la Maududi. Jihad in Islam. – Beirut: The Holy Koran Publishing House, 2006.
32. Maududi S.A.A. Fundamentals of Islam. 1st English ed. Lahore: Islamic Publication, 1975.
33. Rahman F. Islam and Modernity. – Chicago, London, 1982.
34. Ruthven M. Islam in the World. – N. Y., Oxford, 1984.